

АЛИНА БОДРОВА

о журнальных замыслах, чуткой цензуре и повседневном быте московских цензоров

из истории раннего «Москвитянина»

«Неисповедимые» — по меткому выражению Е.А. Боратынского¹ — судьбы «цензуры русской» давно стали объектом исследовательской рефлексии², однако роль цензуры в историко-литературном процессе и значение фигуры цензора в социокультурном поле литературы, как представляется, не получили до настоящего времени достаточного осмысления. В отечественной научной традиции история цензуры выстраивалась преимущественно как ряд громких прецедентных запретов, направленных на подавление вольномыслия и свободы слова, а цензурная практика рассматривалась скорее в контексте функционирования административных или идеологических институтов власти³. Интерес же к деятельности конкретных цензоров, обсуждаемой в значительном числе работ, зачастую оказывался обусловлен собственно литературной или журналистской репутацией того или иного цензора⁴.

Рутинные обязанности цензоров, повседневное взаимодействие с авторами, издателями и журнальными редакторами, их личные предпочтения и дружеские связи — все, что можно, несколько изменив удачную формулу Б.М. Эйхенбаума, назвать *цензурным бытом*, редко становилось предметом описания или исследования⁵, не в последнюю очередь из-за недостатка источников, характеризующих один и тот же сюжет и с точки зрения цензора, и с точки зрения литератора или журналиста.

В этом отношении история первых лет издания журнала «Москвитянин» представляет замечательный и в своем роде уникальный материал, позволяющий с большой степенью подробности рассказать о повседневном журнальном обиходе, о сложностях и проблемах, которые

Пользуюсь случаем выразить благодарность за доброжелательную помощь в работе сотрудникам Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ — П.В. Кузнецову, М.В. Ленчиненко

и А.И. Любжину. Моя особая признательность — Н.Г. Охотину, прочитавшему рукопись статьи и высказавшему ряд полезных замечаний.

редактор «Москвитянина» Михаил Петрович Погодин и цензоры его издания Никита Иванович Крылов⁶ и Василий Павлович Флеров⁷ должны были решать изо дня в день, от одной книжки журнала к другой.

Непростые отношения обоих цензоров с редактором-издателем «Москвитянина», о которых позволяют судить как частные бумаги (переписка Погодина с Флеровым и Крыловым; письма Крылова Флерову, дневник Погодина), так и официальные документы (журнал заседаний Московского цензурного комитета), а также сохранившиеся корректурные экземпляры «Москвитянина» с цензорскими пометами, представляют собой любопытный эпизод из жизни московского университетского круга. Собственно журнально-цензурные отношения зачастую выходили за рамки должностных (цензор — редактор) — с одной стороны, оказываясь тесно связанными с повседневной жизнью издателя или сотрудников Цензурного комитета, а с другой стороны — вовлекаясь в сложную структуру университетских связей.

«Особую эпоху» в истории «Москвитянина» составил период цензурства В.П. Флерова, принявшего журнал на 4-м номере за 1842 год (билет на выпуск в свет выдан 3–10 апреля 1842 года⁸; книга поступила в продажу 11 апреля⁹) и остававшегося цензором до 1846 года¹⁰. По многочисленным свидетельствам издателя «Москвитянина», это было время постоянных сложностей с цензурой, «которой ужаснее вообразить трудно»¹¹. «...Ни одного нумера, — писал Погодин попечителю Московского учебного округа графу С.Г. Строганову, — не проходит без затруднения, так что несколько раз я хотел уничтожить <журнал>»¹².

Письма Погодина Флерову, сохранившиеся в архиве последнего, также свидетельствуют о нелегкой судьбе издания. Многочисленные претензии цензора, который часто отказывался пропускать целые статьи, требовал вымарывать отдельные фрагменты или «опасные», по его мнению, выражения, подолгу задерживал отпечатанные листы, чрезвычайно задевали и огорчали Погодина, считавшего себя вполне в состоянии оценить публикуемые в журнале материалы. Постоянные затруднения с прохождением цензуры летом 1844 года заставили Погодина думать о возможном перенесении издания в Петербург¹³, где цензурные обстоятельства, по общему мнению, были более благоприятными¹⁴:

Я никак не могу понять, почему Вы не пропустили последнего объявления о Москвитянине, что он, по причине болезни редактора, поступает в заведывание Комитета. <...> Вы не пропустили четырех маловажных и смиренных слов из письма Шафарика ко мне, между тем как в то же время пропущена Московскою Цензурою целая книга с самыми резкими жалобами против Австрийского Правительства (Путешествие Панова по Герцеговине). <...> Скажу Вам откровенно, что Вам будет

стыдно

стыдно, в истории Русской литературы, если я переведу печатание Москвитянина, Московского журнала, в Петербург! А я должен это сделать. Хотя вы противозаконно скрываете запрещенные Вами места, кои должны значиться в Типографии, даже для улики, в нужном случае, издателя, но я не так прост, и имею в копии их собрания, для поучения потомков.

Я берег Вас всегда столько же, сколько и себя, но Вы этого, кажется, не видите и не признаете. Сто раз я исключал места после Вашей подписи. <...> Милостивый Государь, Василий Павлович, всегда Вам был благодарен за Ваше безостановочное чтение, но будьте сами судиею, не должен ли я подчас выдти из терпения, видя ваши исключения? я сам себе Цензор, строже всех цензоров на свете, ибо дорожу своим именем, честью, службою, а Вы иногда трактуете меня как мальчика. Повторяю, без моей помощи и Вы никак не уберезетесь, и Вы напрасно побуждаете меня переменить наши приятельские отношения¹⁵.

Москвитянин почти убит, *благодаря* разным обстоятельствам. За что же и вы преследуете его судьбу? С пятницы у вас пять листов. Почему вы их задерживаете, не написав мне ни строки о причине или о каком сомнении вашем? Мы тот час бы сообщая, а в нужном случае, спросясь Графа, разрешили бы дело. Не понимаю, какие статьи вас останавливают: статья Максимовича есть ответ, разбор печатной книги. Статья Морозова пропущена духовною цензурою. Благоволите уведомить меня, а в четверг, если нужно, свидемся у Графа в назначенный вами час. <...> Поверьте, что я берегу себя столько же как и вас, и не напечатаю ничего непозволительного¹⁶.

Кстати вы не пропускали часто объявлен<ия> о статьях кот<орые> будут печатаны. Эти объявления делаются журналистами для известия Авторам. <...> Положим — вы не пропустите какую статью, так что за беда. Иначе по вашему правилу нельзя будет и печатать «продолжение впредь» или «окончание» кот<орые> так же могут быть иногда запрещаемы¹⁷.

Затруднения с цензурой, сами по себе доставлявшие Погодину немало хлопот, воспринимались им тем болезненнее, что в цензурной практике Флерова издатель «Москвитянина» предполагал отголоски своего конфликта с попечителем Московского учебного округа графом С.Г. Строгановым. В статье о попечителе, написанной уже в 1863 году¹⁸, Погодин в числе других трудностей и несчастий, которыми он, по его мнению, был обязан недоброжелательству графа, особенно подчеркивал сложности с цензурой журнала:

...В числе неприятностей цензурные принадлежали к самым досадным и тяжелым¹⁹. Цензоры поступали с несчастным Москвитянином как угодно: никакого суда над ними найти было невозможно. Долгое время был цензором Флеров, дядька [сыновей] детей Строганова <...>²⁰.

Отношения издателя «Москвитянина» с графом Строгановым, в первое время своего попечительства вполне расположенным к Погодину (именно Строганов способствовал приглашению Погодина на столь желанную им кафедру русской истории²¹), стали ухудшаться уже в конце 1836 — начале 1837 года, когда после «чаадаевской передраги» были объявлены выборы нового ректора, который должен был заменить на этом посту А.В. Болдырева, отставленного от ректорства, равно как и от места в Цензурном комитете, за пропуск в печать русского перевода первого «Философического письма». Записи в дневнике Погодина за начало января 1837 года, на основании которых описан этот эпизод в его поздней статье о Строганове, свидетельствуют о том, что будто бы сам Строганов уверил Погодина, что именно он должен стать ректором, и обещал ему свою помощь и поддержку. Погодин полагал, что граф «...примет все зависящие от него меры для <...> избрания <...> так думали не только в университете, но даже и в городе, — а выбран был человек совершенно <...> противоположный, Каченовский, о котором прежде никто и не думал, как о человеке для всех неприятном своим [злорадством] недоброжелательством, подозрительностию, неуживчивостию и пристрастием к формам и мелочам».

«Мне казалось, — резюмировал в своей статье Погодин, — что Строганов действовал не только не в пользу меня, но и во вред. Не может быть, чтоб без его участия, так казалось мне, я получил так мало голосов. <...> Не надеялся ли он иметь в Каченовском более послушное для себя орудие. Во всяком случае я должен был ожидать себе неприятности, что и заявил гр<афу> Строганову, хотя и без пользы»²².

С этого времени Погодин начинает видеть в Строганове исключительно своего недоброжелателя, стремящегося повредить как его университетской карьере (несомненно, конфликт со Строгановым отразился в раннем уходе Погодина из университета — в 1844 году²³), так и его журнальному предприятию: «Москвитянин», по словам Погодина, «...был противен гр<афу> Строганову и он отказался ему содействовать представлением гимназиям, не смотря на циркуляр министра Уварова. Напротив, он <Строганов> старался вредить журналу, и показывал свое неудовольствие тем, которые на него подписывались»²⁴.

Подозревать прямое недоброжелательство графа в цензурных «притеснениях» со стороны Флерова у Погодина были тем большие основания, что Флеров был, несомненно, человеком близким к Строганову и во многом зависимым от него. Воспитатель детей графа, Флеров, очевидно, был обязан ему возможностью продвижения по службе, на которую вернулся после 11-летнего отпуска в феврале 1837 года, получив должность стороннего цензора в Московском цензурном комитете (таким образом, Флеров занял вакантное место, образовавшееся после отстранения Болдырева). Цензорская должность, приносившая неплохой

доход

доход — 3000 рублей в год²⁵ — и дававшая возможность дослужиться до достаточно высокого чина, была несомненной удачей для Флерова, по образованию своему к университетскому кругу (большинство цензоров в «строгановское время» (1835–1847) составляли университетские профессора — настоящие или же бывшие²⁶) не принадлежавшего.

Происходивший из духовного звания, в 1820 году Флеров «по окончании наук в С. Петербургской Духовной Семинарии, выпущен Студентом 1го разряда и в службу Его Императорского Величества вступил в число Канцелярских чиновников хозяйственного Правления Императорского Царскосельского Лицея». В конце августа того же 1820 года он «согласно его желанию от должности при Хозяйственном Правлении Лицея уволен и определен в Царскосельский благородный пансион учителем Латинского языка и Арифметики», а также получил место пансионского гувернера. В сентябре 1825 года Флеров «согласно желанию его по воле Его Императорского Высочества Цесаревича уволен с упомянутых должностей при оном Пансионе, с утверждением в чине Титулярного Советника за выслугу узаконенных лет».

Не состоявший в течение последующих 11 лет на государственной службе, Флеров в эти годы был воспитателем детей графа Сергея Григорьевича Строганова²⁷. В последующем устройстве судьбы Флерова, необходимом в свете того, что его старший воспитанник — Александр Строганов — в 1836 году поступил на юридическое отделение Московского университета²⁸, нужно, очевидно, предполагать участие попечителя. В сентябре того же 1836 года Флеров получил степень кандидата философии²⁹, что позволило ему в феврале 1837-го занять должность стороннего цензора.

При цензурных сложностях Флеров неоднократно сам обращался к Строганову — как к вышестоящему начальству — или же отсылал Погодина к нему, для того чтобы разрешить «затруднительные места» и получить окончательное разрешение или — чаще — неразрешение печатать ту или иную статью. В переписке Флерова с Погодиным апелляция к авторитету графа частотна как со стороны редактора «Москвитянина»³⁰ (ср. реплики Погодина: «в нужном случае, спросясь Графа», «если нужно свидемся у Графа»; «Обратитесь-ка к Графу, а я велел приостановить печатанием»³¹), так и со стороны Флерова, о чем свидетельствуют его письма Погодину:

По исправлении <...> я советовал бы Вам, показать <...> статью Графу <...> (письмо от 5 марта 1843 года)³².

Я показывал Графу статью <...> под заглавием: *произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося Шляхетства* и пр. и получил от него в ответ, что означенной статьи отнюдь нельзя пропускать в печать <...> (письмо от 22 июня 1843 года)³³.

В 12-м листе находится рецензия на Гр<еческую> Грамматику Кюнера, переведенную Г. Коссовичем <;> при свидании с Графом Сергием Григорьевичем я сообщил ему об этой статье, и получил в ответ, что хвалить Грамматику Г. Коссовича очень можно, но отнюдь не касаться других книг употребляемых ныне в Гимназиях по распоряжению Начальства <...> (письмо от 8 декабря 1843 года)³⁴.

Граф Сергей Григорьевич просил меня уведомить Вас, что статьи *Взгляд на мироздание* он пропустить не может; потому что, слова Графа, «я не могу этого сделать без сознания, а чтоб иметь сознание, надобно иметь разумение — а я из всей статьи ни слова не понял». Одно средство остается, если угодно Вам, переслать в Духовную цензуру (письмо от 19 июня 1844 года)³⁵.

Однако запрещение статей в «Москвитянине» не ограничивалось недоброй волей графа, к которому обращались все же в исключительных случаях. Множество поправок и изъятий в материалах, предназначенных Погодиным для печатания в «Москвитянине», были вызваны чрезвычайной осторожностью и благонамеренностью самого Флерова, не желавшего лишних выговоров и замечаний на счет журнала и — прежде всего — на свой собственный, а потому читавшего статьи с особым вниманием, стремясь не допустить в печать таких мест, которые каким-либо образом могли бы быть превратно истолкованы.

Масштабное представление о цензурной практике Флерова дают корректурные экземпляры «Москвитянина», сохранившиеся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, которые содержат уникальный материал по истории московской цензуры, несомненно требующий специального изучения. Впрочем, и отдельные примеры, как кажется, не менее красноречивы.

В 4-й книжке «Москвитянина» за 1843 год (Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4; номер вышел 10 апреля³⁶) была опубликована рецензия Т.Н. Грановского³⁷ на недавно вышедшие немецкие книги по немецкой же истории (*Geschichte des Preussischen Staats, von G.A. Stenzel. T. 1–3. Hambourg, 1830–1841; Geschichte Deutschlands von 1806–1830, von Fr. Bülow. Hambourg. 1842*), где среди прочего обсуждался следующий эпизод шведско-пруссских отношений:

Граф Шлиппенбах был отправлен Карлом X к Курфирсту с предложением союза. Шведы обещали Фридриху Вильгельму часть будущих но верных завоеваний в Польше, за что он, с своей стороны, должен был уступить им Прусские гавани. Важность и неосторожность подобной уступки была очевидна. На возражения Курфирста относительно справедливости предлагаемой сделки, Шлиппенбах дал характеристический для дипломатии 17го столетия ответ: «*в наше время, Бог не говорит более с Государями чрез посредство своих пророков, но во всякой* ВОЗМОЖНОСТИ

возможности увеличиться на счет соседа слышен его голос». Положение Фридриха Вильгельма было самое затруднительное. Он не мог остаться нейтральным, а деятельное участие в предстоявшей войне могло быть гибельным для него. Ему угрожала равная опасность в случае победы Шведов и Поляков. Польша не простила бы ему нарушения ленной присяги. Средства к отмщению были у нея в руках: ей стоило только вмешаться в Прусские дела. С другой стороны, утверждение Шведского могущества по сю сторону Балтийского моря обрекало Бранденбургских Князей на второстепенное политическое положение и могло иметь еще худшие последствия. Карл X был беспокойный, опасный сосед: ему часто слышался глас Божий³⁸.

Слова «о гласе Божиим» показались осторожному Флерову неудобными к печати, о своих сомнениях он писал Погодину:

Милостивый Государь

Михаил Петрович.

Прошу Вас покорно обратить внимание (листок 10-й, пятая страница на обороте) на приведенный ответ Шлиппенбаха: В наше время, *Бог не говорит более с Государями чрез посредство своих пророков, но во всякой возможности увеличить с на счет соседа слышен его голос.*

Потом немного пониже: Карл X был беспокойный, опасный сосед: ему часто слышался глас Божий.

Всякой ли это поймет как должно? сомневаюсь. Но будет много таких, кои вырвав отдельно эти слова, назовут их кощунственными.

Я предложу в Пятницу в Комитете и о последующем Вас уведомлю, а до того времени прикажите приостановить печатанием 10-го листа.

Честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугою

В. Флеров.

31 марта 1843³⁹

Решение Цензурного комитета было не в пользу Погодина и автора рецензии. «Честь имею уведомить Вас, Милостивый Государь Михайло Петрович, — сообщал Флеров уже 2 апреля, — что в 10-м листе известные Вам слова *о гласе Божиим* по решению Комитета не могут быть пропущены»⁴⁰. Соответствующие выражения были исключены при печатании⁴¹, о чем Погодин сделал карандашную приписку для типографии на верхнем поле на первой странице 10-го листа в корректурном экземпляре: «Исключить, что приказал цензор. Зачем в оставленном такие пробелы?»⁴²

С придирчивым вниманием подошел Флеров и к помещенной в 11-й книжке «Москвитянина» на 1842 год «Сказке» В.И. Даля «О купце с купчихою и о выкраденном их сыне»⁴³. В корректурном экземпляре

«Москвитянина»⁴⁴ Флеровым последовательно вычеркнуто определение «[сатанинское] семя» (с. 6, 9), запрещено сравнение «долгого и длинного моста» с «великим постом» («...построив, не город, а мост, // Долгой и длинный, [что великий пост]» — с. 7), а также исключен отрывок (с. 5):

[Оно так, Устинья, оно бы и ладно,
Оно бы для души христианской отрадно;
Да ведь, прости Господи, наши чернецы —
А купец был католик, как за морем все купцы —
Ведь как подумаешь, да на них поглядишь,
Так нé-хотя с ними и согрешишь;
Ан грех то, глядишь, на тебе лежит,
И пропал на том свете, что турок либо жид.]⁴⁵

Вследствие особой чуткости Флерова, не допускавшего употребления всуе слов из религиозной сферы («сатанинский», «святой», «благодать/благодатный»⁴⁶, «ангелочек»), потребовалось изменить строку в стихотворении молодого Я.П. Полонского «Перемена»⁴⁷, которое стало впоследствии известным романсом. Изначально первые два куплета читались следующим образом:

Блаженствуя тебя любил я,
Любил как мог —
Всю душу пламенно излил я
У милых ног.

И чтожь святых упованья?
Горда и зла,
На смех толпы, на порицанье
Ты предала!

В корректурном экземпляре ст. 3–5 подчеркнуты красными чернилами, слово «святых» густо зачеркнуто; эти стихи отчеркнуты на полях и отмечены к исключению. Здесь же на полях предложена замена для ст. 5: «И чтоже? — *сердца упованья*», которая, по всей видимости, оказалась достаточной: значок «исключить» на полях зачеркнут, и рядом с текстом цензорская помета: «Печатать можно<.> Флеров»⁴⁸. Именно в таком виде стихотворение увидело свет на страницах журнала⁴⁹ — и впоследствии легло в основу романса, сочиненного А.А. Алябьевым⁵⁰.

Не менее характерные примеры цензурных претензий можно обнаружить в письмах Флерова Погодину. В одном из номеров «Москвитянина» за 1843 год внимание цензора привлек рассказ, в котором «Шеф за шалости

за шалости ребенка, одного офицера арестовал, а другого не представил к чину». «Как бы не раздражить этим гусей? — опасался Флеров и сообщал Погодину: — Если время терпит, то я бы желал спросить позволения в Комитете в пятницу, посему и прошу Вас доставить мне этот или начисто напечатанный листок к пятнице»⁵¹. Несколько дней спустя цензор писал Погодину об «известном <...> отрывке»: «Решение положено: не пропускать. Ибо легко может быть, что 12^{ти}-летний в то время мальчик, теперь полный Генерал»⁵².

Цензурные затруднения, которые испытывал Погодин практически с каждым номером журнала вследствие чрезмерной осторожности Флерова, разумеется, не могли не удручать издателя «Москвитянина» — но все эти журнальные хлопоты должны были казаться еще неприятнее на фоне вполне благополучного в цензурном отношении первого года издания журнала, когда цензором «Москвитянина» был Никита Иванович Крылов.

Крылов ко времени подготовки и появления журнала, занимая цензорскую должность (1839–1844), состоял ординарным профессором римского права по соответствующей кафедре, что — согласно университетскому уставу, принятому в 1835 году, — освобождало его от цензуры «срочных литературных журналов». Дружеское расположение к Погодину, с которым Крылов был вполне близок с самого времени своего возвращения в Москву (в 1831–1835 годах Крылов был командирован в Берлинский университет, где слушал лекции Эйхгорна, Ганса и Савиньи) и утверждения в университете, побудило Крылова взяться за цензуру «Москвитянина», о чем он будет напоминать Погодину в письмах конца 1841 — начала 1842 года: «По уставу я не обязан, а принял из одной деликатности»⁵³. Об отношениях Погодина с Крыловым, несомненно более приятельских и коротких, чем с Флеровым (в письмах которому Погодин, впрочем, также нередко напоминал о своем дружеском расположении), свидетельствуют как дневники Погодина⁵⁴, так и переписка, касающаяся далеко не только вопросов цензуры.

Цензурные обстоятельства стали складываться вполне благоприятно для Погодина еще при подготовке к печати первой книжки «Москвитянина», в хлопотах о которой прошел весь декабрь 1840 года. Как следует из записей в дневнике Погодина, некоторых затруднений не удалось избежать с программной статьей о Петре I, разрешение о пропуске которой было дано самим Уваровым, но в остальном редактор «Москвитянина» не имел оснований жаловаться⁵⁵. Ср. декабрьские записи в его дневнике:

14. О Самозванце. Все пропущено цензурою, даже и то чего бы не должно. Исключу сам.

12. Объяснение цензурное с Крыловым, в котором подозреваю злоумышление. Не пропускает статьи о Петре. — Так уничтожьте ее только не задерживайте. — Не могу и пр. Послал корр<ектуру> к Увар<ову> <...>

28. <...> В типогр<афию>. Крылов пропускает все.

29. К цензору с объяснениями. Очень рад, что застал дома и вообще очень доволен. Если б такова была вся цензура, то никто не имел бы право жаловаться <...>. В Типогр<афию>. И кажется что номер выйдет⁵⁶.

Письма Крылова, сохранившиеся в архиве издателя «Москвитянина», ясно свидетельствуют о несомненной симпатии цензора к Погодину и его журнальному предприятию, но при этом уже из самых ранних писем Крылова хорошо видно, насколько обременительной для молодого профессора оказалась эта дружеская обязанность, о которой он поначалу пишет с завидной самоиронией:

Боюсь, Михайло Петрович, за 8 лист; тут менее православия, нежели в Петре 1. А пропустил. — Не лезь ли вам перечитать, и осмотреть отмеченные места преимущественно. Я так верю в вашу опытность и православие, что читаю без подозрительной Цензуры. На днях Вы получите от меня *предлинное послание*. Журнал ваш, вижу <?>, задавил меня своею огромностью. Сижу по несколько часов — а лекции на ум не идут. Что касается до ваших замечаний на первые листы, то можете распорядиться, как угодно, — а я за них не боюсь. <...> Листы идут так скоро, как не лезь больше требовать даже от цензора не профессора⁵⁷.

Посылаю Вам, Любезнейший Мих<айло> Петрович, корректуру и письмо министра. <...> Листы журнала идут у меня скорее, нежели на какой ниб<удь> Английской Машине. — Вот нашли<?> себе молодого любезного Цензора, который, очертя голову, подписывает к пропуску все, что угодно. Спасибо вам за то, что ругнули <...>. Да зачем так мало и так деликатно? Я хотел было кой что прибавить. Уж ругать так ругать: Руская натура упруга и крепка <...>⁵⁸.

Как можно заключить из писем Крылова, Погодин, по всей видимости, до конца не осознавал всех трудностей, с которыми сталкивался цензор его издания, принимая как должное благожелательный тон Крылова и его беспрестанное чтение и требуя еще более скорого возвращения листов из цензуры. Такая чрезмерная требовательность Погодина постепенно начинала обременять Крылова, имевшего помимо цензорских еще ряд других обязанностей и интересов. Некоторой кульминационной точкой этой дружеско-цензурской переписки, как кажется, можно считать письмо Крылова Погодину, отправленное, судя по его содержанию, 31 июля 1841 года:

Любезнейший

Любезнейший и нежнейший Михайло Петрович! Ваша переписка со мной начинает получать *любовный* — *страстный* характер. Всегда сомнения-упреки, сетования и т.д. — и всё это под влиянием какого-то мягкого чувства. Спасибо вам! Но я, как опытный любовник, должен вас беспрестанно успокаивать, приводить причины моего поведения. Очень рад этому занятию. И так начинаю.

О возвращении вашем в Москву я узнал впервые из полученной вашей записочки. Не поверил глазам и навел юридическую справку в справедливости впечатления глазного. Как это Вы уже в Москве? А об вас <...> живо всё еще носится острота, которую Вы сострили над графом, желавшим пустить вас *по миру*. Вы в Москве — и опять уже едете? Фу прорва какая! Это счастье! А я труженик сижу и глупею в университете. В 5-м часу меня провозят мимо вас, *аки смердящий труп*, безжизненный, бездыханный, но язвительно еще улыбающийся от злости экзаменаторской. Хотел было явиться сегодня в часу 8-м к вам, да потолковать ладком, сидя рядом с вами. Но и тут затруднение! Коллизия обязанностей: на столе лежит 4 листа знаменитейшего журнала. Как не прочитал? Ветх <так!> завтра 1-е Августа. И ну давай читать — и вот они готовы к вашим услугам. Другому я бы ни за какие блага не стал теперь читать: *а для дружка и сережка из ушка*. Ну, успокоилась ли моя любовница — моя кокетка? Ветх уж такого молодца не найти ей нигде. Когда вы едете из Москвы? <...>⁵⁹

Более поздние письма Крылова демонстрируют постепенное нарастание напряжения в его отношениях с редактором «Москвитянина»; от дружелюбно-иронических замечаний цензор переходит едва ли к прямым угрозам, обещая впредь поступать с большею строгостью по отношению к журналу:

Я так занят Вашим журналом, [как] и спешу всегда пропустить как можно скорее. Но Вы со мной поступаете не почеловечески, не говорю уже — не потоварищески. Ибо в ваших статьях всегда есть контребанда. <...> Я осержусь и буду всё сплошь черкать.

Степан Петрович глубже вникнул в Дух Цензуры и редко меня беспокоит. Читаешь его как по маслу. А с Вами того и гляди заварись кашу без масла⁶⁰. Ей! Не раздражайте Цензора: *велика бо сила и могущество его*⁶¹.

Статью об Исторической Религии Духовная Цензура позволила печатать; но не худо бы вам ее несколько исправить, Мих<айло> Петрович. Пожалуйста, будьте осторожнее; перечитывайте наперед все статьи и соображайте их с целию и направлением журнала (нравственного и эстетического). Из пустяков будут толки, выговоры, запрещения. Все это невольно раздражит <...> цензора — и он сделается несговорчив⁶².

К концу 1841 — началу 1842 года взаимное недовольство Крылова и Погодина достигло критического максимума, Крылов принял решение отказаться от цензуры «Москвитянина» (что было не очень за-

труднительно, так как по уставу цензор-профессор заниматься срочной периодикой был не обязан) — после одного, весьма впечатляющего происшествия:

Не могу я, Михайла Петрович, пропустить эту повесть. Это веть в роде *Павлова повестей*. Удивляюсь, какую братию вы допускаете в товарищество журнальное. Получивши несколько отеческих выговоров, вам вовсе неизвестных, за ваш почтеннейший журнал, кажется, я в праве иногда погорячиться, особенно подвыпивши на великокняжеском ужине, и *не заслуживаю учтивого пускания стулом*. Авось иногда пригожусь, не Вам, так друзьям вашим. Я решительно хочу отказаться от цензуры вашего журнала, во что бы то ни стало. По уставу я не обязан, а принял из одной деликатности⁶³.

Твердо решившись отказаться от цензуры журнала, Крылов тем не менее стремился, по его собственному выражению, «обработать по-деликатнее эту историю». Для Крылова было важно не вовсе отказаться от цензорского места (хотя он будет утверждать в письмах и Флерову, и Погодину, что был готов решиться и на этот шаг), приносившего неплохой доход (денежную сторону дела Крылов особенно подчеркивал в письме к Погодину, прославившемуся своей бережливостью, если не сказать скупостью), а лишь передать журнал другому цензору. Расстановка сил в Цензурном комитете способствовала успеху его предприятия — к его просьбе об освобождении от цензуры «Москвитянина» сочувственно отнесся помощник попечителя Д.П. Голохвастов; сходную позицию занял и граф Строганов. Именно в этот момент определилась дальнейшая судьба журнала Погодина, которому посоветовали обратиться с личной просьбой к В.П. Флерову.

Собственно, выбор у Погодина был невелик — чтение срочных журнальных изданий входило в обязанности сторонних цензоров, каких в то время в Цензурном комитете было двое — Флеров и И.М. Снегирев⁶⁴. Если верить письму Флерова чуть более позднего времени, «Москвитянина следовало ценсуровать Ивану Михайловичу Снегиреву»⁶⁵, чья кандидатура могла быть менее благоприятна для Погодина — главным образом из-за большей занятости Снегирева историческими разысканиями и издательскими трудами⁶⁶. Вероятно, эти или какие-либо другие обстоятельства и соображения заставили Погодина послушать совета Крылова и обратиться с личной просьбой к Флерову — и тем самым на несколько лет многожды осложнить судьбу журнала и свою собственную непростыми отношениями с придирчивым и осторожным цензором.

Некоторым итогом цензорских отношений с Погодиным оказывается письмо Крылова, в котором он просит понять причину его отказа от «Москвитянина», продолжая при этом исправно дочитывать корректурные листы выходящего номера:

Фу прорва

Фу прорва какая, любезнейший Михаил Петрович. Читал, читал, да задохнулся. Все подписал. Какой молодец Крылов! Да подлинно молодец. Его, (т.е.) Крылова связали с Вами две, три, четыре и т.д. мысли плебейские, два, три, пять, шесть и т.д. теплых чувствований — и вот он 6-ть лет вашим преданнейшим рабом!! Ему ничто не вредит: его <так!> можно погрозить при всех и стулом, с ним можно не говорить по году, его можно позабыть в нужное ему время, его можно даже поколотить — и он на минуту вспыхнет, сделается угловатым — а уже своему убеждению не изменит. Вот как он понимает себя в отношении к Вам! Дай Бог, чтобы и Вы его так же понимали; а то веть ему бедняжке больно будет.

Обработайте поделикатнее историю цензуры журнала с Д.П. Голохвастовым и В.П. Флёровым. Оба — Павловы! У меня и теперь лежит не принятая просьба об отказе. *Две тысячи жалованье* <...> — не безделица для свободного плёбея. И я готов отказаться от этого! Итак прошу понять и оценить чувство мое. Уговорите поласковее Флёрова, покажите ему, что я очень занят, обременен делами, а свободное время догуливаю остальные холостые годы свои. После, я опять возьмусь пожалуй за Журнал. <...> я Вам напишу статейку в журнал. Пожалуйста — устройте всю эту историю.

Д.П. Голохвастов деликатист, и боится показать мне видимо свое пристрастие в освобождении меня. И Граф, как видно<?>, теперь принял его манеру. Прежде он хотел просто передать журнал Снегиреву или Флёрову, как обязанным. И так дело в свободном принятии цензуры со стороны Флёрова.

Обязете меня много, очень много, более нежели 2.000 тыс., если всё устроите аккуратно.

Вам преданный душой

Крылов

17 февр<аля>⁶⁷

Отказ от «Москвитянина», связанный, разумеется, с трудностями цензорской должности и стремлением Крылова посвящать время своим университетским обязанностям, имел еще одну не менее важную мотивировку. Вскользь упомянутое в письме к Погодину, иное обстоятельство обретает едва ли не первостепенное значение — благодаря Флерова за согласие принять на себя цензуру «Москвитянина», Крылов особенно подчеркивает необходимость и душевную потребность жениться, а на устройство семейного счастья, разумеется, требуется немало сил и времени, которые у него бесконечно отнимает цензура журнала. Об этом он сообщает в записке Флерову, содержащей также любопытные подробности смены цензоров «Москвитянина»:

Милостивый Государь

Любезнейший и глубоко уважаемый мною, Василий Павлович!

По деликатности чувства, я долго не мог сообщить Вам своих мыслей касательно одного дела. Занятия мои по профессуре, Деканству, авторству (пишу од-

но сочинение по Римскому праву<)>, ценсуре, и главным образом по *волокичеству*, поглощают все время, данное Создателем для жизни. Здесь лежит причина, почему я стал обременять издателей Москвитянина долгим задержанием листов. Журнал срочный коллизировал с моими срочными занятиями по лекциям. Чувствуя это неудобство и как бы невинную обиду, которую наношу журналу невольною медленностию, я просил Графа об освобождении меня вовсе от Ценсуры. И вот вручил было я ему готовое прошение об увольнении от ценсуры.

Граф, видя затруднительное мое положение и не желая отнять у меня *две тысячи рублей*, сумму, весьма не лишнюю для нашего (т.е. и Вас тут же включая) брата, со всею охотою согласился меня освободить от ценсуры Москвитянина, даже на юридическом основании устава: *профессоры* освобождаются от ценсуры срочных литературных журналов. — Об этом были у него переговоры с Дмитрием Павлычем. И Дмитрий Павлыч от души согласен на это. — Но я просил их всё это сделать, как можно, деликатно, добровольно. И вот *Погодин*, по воле Начальства, обращается к Вам с просьбою. Вы согласились, как будто понявши все мое затруднение, если только Дм<итрий> Павл<ыч> назначит Вас цензором.

Я не смел до сих пор выражать Вам всю благодарность; Вы так здесь добры и благородны.

Под старость свою я начал слишком беспокоиться о своем одиночестве; и вот стал я шмыкать по Москве из угла в угол, впрочем только по вечерам. А весь день занят дома. Что будет из моих хлопот, не знаю. Итак теперь физически не могу ценсировать Москвитянина. Через два года, или менее, успокоюсь, и тогда буду в состоянии спокойно вымарывать. Что касается до направления журнала, до личных качеств издателей: тут нет никакой опасности. Министр всеми силами их поддерживает; сами они берегут себя очень, очень много: ибо хотят ввести свой журнал в училища и гимназии. След<ственно> нравственное и Руское направление придают ему. На отметки всегда охотно соглашаются, без прекословия.

Одним словом, я ими от души был доволен, и не могу по совести пожаловаться на них. Они вели себя полтора года весьма благородно. Почти вымарывать было нечего: всё так в духе Руского православия.

Сегодня после Ценсуры я бы желал видеть Вас у себя, выпить с икрою зернистою бутылочку шампанского, ожидающую Вас от масляницы, и чуть покалякать о том, о сем, от души и приволья.

На словах не могу я благодарить Вас: вот причина, почему я решился писать Вам. Душевно Вам преданный Крылов.

Марта 13⁶⁸.

Поначалу история передачи журнала, казалось, разрешилась благополучно: Крылову удалось сохранить доброжелательные отношения с Погодиным (о чем свидетельствует их многолетняя переписка за последующие годы), а Флеров «с любовью <...> принялся за <...> журнал» и, по его же словам, «старался о нем более, чем следовало»⁶⁹, что не преминуло сказаться в его цензорской практике.

Время

Время, потраченное Крыловым на «волокитство», тоже в скором времени было вознаграждено. «Я волею и милостию Божиею — уже обрученный жених, — с радостью сообщал он Флерову, приглашая его вместе с супругой на вечер в дом своей невесты. — В субботу вечером мне хочется представить своей невесте своих друзей, назначены пляска и скачка, *en petit comité*»⁷⁰. Женой Крылова стала Любовь Федоровна Корш; свадьба, на которую были приглашены Погодин и его жена Елизавета Васильевна⁷¹, состоялась в Духов день — 8 июня 1842 года; брак на первых порах был вполне счастливым⁷².

Однако, справедливости ради, нельзя не заметить, что и Крылов в некоторой мере «поплатился» за предпочтение личных интересов журнальным. Дальние последствия «волокитства» едва не стоили ему профессорской карьеры. В 1846 году в университете разразился невероятный скандал, о котором Шевырев сообщал Погодину за границу:

...от Крылова бежала его несчастная жена, страдавшая, как говорят ее родные, четыре года от его жестокого обращения. Дело огласилось на весь город и было предметом толков в течение месяца <...>. Горько было слушать рассказы об ужасных подробностях⁷³.

Судить об истинных обстоятельствах этой громкой истории, несмотря на множество эпистолярных и мемуарных источников, довольно затруднительно — в силу их очевидной пристрастности. «Возникшим между супругами разногласиям силились придать чуть ли не общественное значение», а семейный конфликт оказался осложнен «партийными отношениями» в университете. На сестре жены Крылова — Антонине Федоровне Корш — был женат К.Д. Кавелин, бывший некогда учеником Крылова, но со временем сделавшийся виднейшим представителем противоположной, «западной» партии молодых профессоров, в числе которых также были Т.Н. Грановский, П.Г. Редкин и брат Любви и Антонины Федоровны Валентин Корш. Они придали семейной ссоре публичную огласку, обратившись к Строганову «с жалобами на Крылова и его недостойное поведение»⁷⁴. В то же время в Москве говорили, что «жена Крылова <...> писала к нему беспрестанно письма, умоляла взять ее к себе, обвиняет Кавелина в том, что он увез ее от мужа...». Сочувствующие Крылову, в том числе и Погодин, предполагали в этой истории «козни западной партии», западники же — в том числе и сам Кавелин — напротив, обвиняли в низких интригах Крылова. «...Он придал частной ссоре общественный и служебный характер и возвел меня и тех немногих членов Университета, которые одобряли мой поступок, на степень вредной и опасной партии, будто бы преследовавшей в нем ревностного представителя и поборника начал, освящаемых историей и существующими законами», — писал Уварову в свое оправдание Кавелин⁷⁵.

Как бы то ни было, Крылов и его противники не могли оставаться в одном университете — ожидалось, что Крылов будет вынужден оставить кафедру, но его просьбу о переводе в Харьков отклонил министр народного просвещения. В конечном итоге Редкин и Кавелин получили отставку, Е.Ф. Корш (брат Валентина, Любови и Антонины) оставил редакторство «Московских ведомостей», из всей «западной партии» в Московском университете остался только Грановский, не выслуживший к тому времени обязательного срока после посылки за границу на казенный счет⁶. Говоря словами Хомякова, «Jus Romanum одержал <...> победу», сохранив за собой кафедру, однако его репутация, и без того не самая завидная, серьезно пострадала от этой истории, хорошо запомнившейся многим мемуаристам — в том числе тем, кто в пору «крыловской истории» слушал его университетские лекции.

Так в позднейшей судьбе Крылова спустя несколько лет отозвался давний эпизод с оставлением цензуры «Москвитянина», примерно совпав по времени с концом нелегкой для журнала «Флеровской эпохи».

примечания

- ¹ Слова Боратынского из письма Н.В. Путьте (1825); цит. по: Летопись жизни и творчества Е.А. Боратынского / Сост. А.М. Песков. М., 1998. С. 157.
- ² Скабичевский А.М. Очерки истории русской цензуры. 1700–1863. СПб., 1862; Энгельгард А. Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати. 1803–1903. СПб., 1904; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905; Московский комитет по делам печати. (Исторический очерк) / Сост. А.А. Сидоров. М., 1912.
- ³ Лемке М.К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собств. е. и. величества канцелярии. СПб., 1908; Он же. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904; Старкова Л.К. Цензурная политика самодержавия в первой половине XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2000; Ботова О.О. Московский цензурный комитет во второй четверти девятнадцатого века. (Формирование. Состав. Деятельность). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2003; Матвеева М.В. Цензура и школа в России в первой четверти XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- ⁴ См., например: Павлов Н.М. С.Т. Аксаков как цензор // Русский архив. 1898. № 5. С. 81–96; Данилов В.В. С.Т. Аксаков, С.Н. Глинка и В.В. Измайлов в Московском цензурном комитете // Изв. по рус. яз. и словесности Академии наук. 1928. Т. 1. № 2. С. 507–524; Котельников В.А. Гончаров как цензор // Русская литература. 1991. № 2. С. 24–51; Березина В.Г. Цензор о цензуре (А.В. Никитенко и его дневник) // Русская литература. 1996. № 1. С. 159–174; Стерхова С.А. Общественная и профессиональная деятельность А.В. Никитенко. Дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1999.
- ⁵ В этом контексте нельзя не упомянуть книгу В.Э. Вацууро и М.И. Гиллельсона «Сквозь „умственные плотины“: Очерки о книге и прессе пушкинской поры» (М., 1986).
- ⁶ См. статью о нем в «Биографическом словаре профессоров и преподавателей Императорского Московского университета» (М., 1855. Ч. 1. С. 435–437) и «Русском биографическом словаре» (СПб., 1903. Т. [9]: Кнаппе — Кюхельбекер. С. 494–498). См. также: Мезьер А.В. Словарь русских цензоров: Материалы к библиографии по истории русской цензуры. М., 2000. С. 65–66; Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Цензоры Москвы: 1804–1917. (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2000. № 44 (4). С. 424–425; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2003 (по указателю).
- ⁷ Ср., например, весьма краткую статью о Флере в «Словаре русских цензоров»

- А.В. Мезьер (с. 117), справку о нем в обзоре московских цензоров: *Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 430; упоминание о Флере в «историческом очерке» А.А. Сидорова (с. 13–14); отдельные сведения о цензурской деятельности Флорова — см. в информативных таблицах в приложении к диссертационному исследованию: *Ботова О.О.* Указ. соч. С. 307–327.
- ⁸ Сведения по записи в Журнале заседаний Московского цензурного комитета: ЦИАМ. Ф. 31 (Моск. комитет по делам печати МВД). Оп. 5. № 168. Л. 57 об.
- ⁹ См. объявление о раздаче «Москвитянина» подписчикам: Московские ведомости. 1842. № 28. Среда, Апреля 8го. С. 196.
- ¹⁰ В 1846 году цензором погодинского журнала был назначен Н.Е. Зернов, отношения с которым у редактора «Москвитянина» также складывались непросто — см. об этом: *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина [далее: *Барсуков*]. СПб., 1894. Кн. 8. С. 303. Впоследствии же цензором «Москвитянина» вновь стал Флеров.
- ¹¹ *Барсуков*. Кн. 8. С. 96; см. также: *Бобров Е.А.* Литература и просвещение в России в XIX веке: Материалы, исследования и заметки. Казань, 1902. Т. II. С. 193.
- ¹² *Барсуков*. Кн. 8. С. 96.
- ¹³ В подтверждение того, что «это не было со стороны Погодина одной угрозой», Н.П. Барсуков приводит письмо А.А. Куника, в котором тот вполне серьезно обсуждал с издателем «Москвитянина» возможные выгоды и невыгоды перевода журнала в Петербург (см.: *Барсуков*. СПб., 1893. Кн. 7. С. 398–401).
- ¹⁴ Ср. запись в дневнике А.И. Герцена за 6 ноября 1842 года: «Ценсура здесь <в Москве> вдесятоеро строже — привязчива, подла, притеснительна <...>. То, что в „Отечественных записках“ печатается, то здесь страшно говорить при многих» (*Герцен А.И.* Сочинения: В 9 т. / Под общ. ред. В.П. Волгина, Б.П. Козьмина и др. М., 1958. Т. 9: Дневник 1842–1845. Письма 1832–1870. С. 49). Характерен отзыв В.Г. Белинского о цензурной истории «Мертвых душ», не пропущенных Московским цензурным комитетом (но впоследствии разрешенных к печати петербургским цензором А.В. Никитенко): «Во всякое другое время ваша рукопись прошла бы без всяких препятствий, особенно тогда, как вы были в Питере. Если бы даже и предположить, что ее не про-
- пустили бы, то все же могли наверное сказать, что только в Китайской Москве могли поступить с вами, как поступил г. Снегирев» (*Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1959. Т. 12: Письма, 1841–1842. С. 107). Подобные примеры легко можно множить: так, напечатанные в петербургском «Современнике» (1839. Т. XV. № 3 [ценз. разр. 27 июня; ценз. билет 8 июля]. Раздел VIII: Стихотворения. С. 157–158) «антологические стихотворения» Е.А. Боратынского («Благословен святое востезивший!..», «Были бури, непогоды...», «Еще как Патриарх не древен я; моей...») вызвали при перепечатке серьезные претензии того же Флорова, которому изначально было определено цензуровать последний сборник поэта: два последних текста в цензурной рукописи (ПД. Ф. 33 (Боратынские). Оп. 1. № 43. Л. 18–18 об.; 21) были целиком отмечены к исключению. Ср., впрочем, замечание Погодина в письме В.И. Далю: «Вы завидуете Моск<овской> Цензуре, а мы вашей: в чужой руке ломать всегда длиннее» (Переписка В.И. Дала и М.П. Погодина. Часть I / Публ. А.А. Ильина-Томича // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 2. С. 329).
- ¹⁵ Письмо Погодина Флерову от 5 июня 1844 года, писарским почерком с собственноручной подписью Погодина: ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/1). Карт. 45. Ед. хр. 42. Л. 1–2. См. также: *Барсуков*. Кн. 7. С. 398, 414, 434.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 4. В архиве Погодина сохранилось ответное письмо Флорова, помеченное 13 июня 1845 года и дающее основание для датировки прямого письма: «Третьего дня вечером прислано мне четыре листа <...>. Вчера я прочитал их, и сегодня поутру отдал присланному из Типографии солдату. Скорее сделать нельзя было, при огне же по слабости глаз не могу читать. — Статья Морозова получена мною 8-го Июня, а 9-го послана в Дух<овную> ценсуру. На этой неделе вероятно возвратят ее обратно. Я не мог взяться за чужие дела и одобрить исправления сделанные автором. — Статья Максимовича о Гайдамаках получена мною 30-го мая, а 31-го подписана и отдана в Типографию. — Лист 1-й воспоминания о Суворове получен 3-го Июня, а 4-го подписано и отдано в Типографию. — Сегодня вечером я получил

10-й лист, который, если за ним пришлют, завтра будет возвращен. — Вот Вам подробный отчет обо всем, что я получил, более же у меня ничего нет. Не знаю какой бездельник наклеветал Вам на меня? Если это проделки наборщиков, то в таком случае я ничего не буду говорить, надеясь, что Вы мне более поверите. — Признаюсь Вам, что обвинения Ваши прискорбны для меня. Впрочем утешаюсь правотою и ясностью дела. — Честь имею пребыть Вашим покорным слугою — В. Флеров. — 13 Июня 1845 г.» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 30–31 об.).

Флеров отвечал Погодину, несомненно, сразу же по получении письма: если учесть, что 13 июня в 1845 году приходилось на среду, а письмо Погодина помечено вторником, — его можно уверенно датировать 12-м числом того же месяца. В этом фрагменте переписки Флерова с Погодиным обсуждается книжка «Москвитянина» за май–июнь 1845 года, имевшая сдвоенный номер (Москвитянин. 1845. Часть III. № 5–6; ценз. разр. 7 июля 1845); статья М. Максимовича — «Известия о Гайдамаках» (Замечания на книгу Г. Скальковского: «Наезды Гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии», изданную в Одессе. 1845 г. в 8 д. 230 стр.) — помещена в этом номере журнала в отделе «Науки и критики» (С. 45–68; под статьей — Киев, 1845 г. Апреля 2 дня; подпись — М. Максимович), открывающемся упомянутыми Флеровым «Воспоминаниями об Александре Васильевиче Суворове» (С. 1–16; автор статьи, датированной «Симбирск. 1844 года Сентября 15 дня», — Александр Столыпин). Статья П. Морозова, изменения в которой потребовали повторного обращения в духовную цензуру, также была напечатана в этой книжке «Москвитянина» — под заглавием: «Борьба Христианства и идолопоклонства, или борьба истины и лжи» (С. 69–83; подпись — П. Морозов). См также отзыв об этом номере «Москвитянина» в письме Н.М. Языкова Н.В. Гоголю: «Напрасно возмущал Погодин, что журнал его воскрес: книжка тощая слабая, еле дышет и говорит много вздору» (Языков Н.М. Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. А.А. Карпова. Л., 1982. С. 388).

¹⁷ ОР РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 12–12 об.

¹⁸ Начало статьи датировано в рукописи 20 ноября 1863 года (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/I). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 1.). Отрывки из этих заметок были впервые напечатаны Н.П. Барсуковым в его жизнеописании Погодина — статья о печателе в аппарате издания Барсукова названа Автобиографической запиской, иногда с уточнением «о Строганове». Полностью статья Погодина была недавно опубликована А.Н. Бачининым: Бачинин А.Н. Из записок М.П. Погодина: Граф С.Г. Строганов // Отечественная культура и историческая мысль XVIII–XIX веков: Сб. статей и мат.-лов. Брянск, 2004. Вып. 3. С. 345–374. Как отмечает исследователь, «создание Погодинских записок вероятнее всего связано с проведением университетской реформы 1863 г. и нахлынувшими воспоминаниями о <...> событиях двадцатилетней давности, которые привели к уходу из университета» (Бачинин А.Н. Указ. соч. С. 346).

¹⁹ Ср. также записанный Погодиным разговор со Строгановым (речь идет о 1846 году), о котором издатель «Москвитянина» вспоминает в итоговой статье: «<Граф>: А Москвитянин-то ваш идет как плохо. — Если и плохо, то ведь больше частью благодаря вашей цензуре. — Но исторических-то материалов, до которых цензура не касается, у вас гораздо меньше, чем в Чтениях <Общества Истории и Древностей Российских>. — Я не мог более удерживаться и захохотал» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/I). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 6; Бачинин А.Н. Указ. соч. С. 354). Характерно при этом, что исторические материалы едва ли не больше других вызывали цензурные претензии — так, например, в первом номере «Москвитянина» за 1842 год (Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 1; ценз. разр. 6 января 1842 года) вовсе запрещены были отрывки из записок княгини Е.Р. Дашковой, где речь шла о последних днях царствования Елизаветы Петровны и придворной жизни накануне переворота 28 июня 1762 года (с. 108–109, 113–116; корректурный экземпляр с пометами цензора Н.И. Крылова: ОРКиР НБ МГУ; шифр 1 Рс 294^{III}; инвентарный номер: ж: 144–1–60); в той же книжке журнала не был допущен к печати один из «Анекдотов о Петре Великом» (с. 88). Некоторые другие примеры, касающиеся именно «исторического» отдела, см. ниже.

- ²⁰ ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 5 об. (в квадратных скобках — здесь и далее — зачеркнутое в рукописи); *Бачинин А.Н.* Указ. соч. С. 353. См. также: *Барсуков.* СПб., 1892. Кн. 6. С. 273.
- ²¹ Этот эпизод нашел отражение в упоминаемой выше статье Погодина о Строганове; о занятии места на кафедре русской истории и своих отношениях со Строгановым в тот период Погодин вспоминал так: «Это произошло без всякого со стороны моей не только искания, но даже и намека в наше свидание. Каченовский, получивший славянские наречия вместо Русской Истории, возненавидел меня еще более, и приписал то моим козням. Воротившись из Путешествия, я находился, казалось в очень хороших отношениях к гр. Строганову, но соображая теперь, я думаю, что было здесь много притворного (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 1 об.; *Бачинин А.Н.* Указ. соч. С. 348. Ср.: *Барсуков.* СПб., 1891. Кн. 4. С. 347). Об участии Строганова в назначении Погодина — см.: *Там же.* С. 310–311; *Петров Ф.А.* М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 133; *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 4. Ч. 1. С. 157–159.
- ²² ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 2–2 об.; *Бачинин А.Н.* Указ. соч. С. 348–349; *Барсуков.* Кн. 4. С. 391–394.
- ²³ См. об этом: *Барсуков.* Кн. 7. С. 288–289; Кн. 8. С. 87–88 (о неудачной попытке вернуться на оставленную кафедру); *Бобров Е.А.* Указ. соч. Т. II. С. 225; *Петров Ф.А.* Указ. соч. С. 96; *Умбрашко К.Б.* М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист. М., 1999. С. 91.
- ²⁴ ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 7 об.; *Бачинин А.Н.* Указ. соч. С. 357; неприятие Строганова к «Москвитянину» отмечал не только Погодин, с горечью вспоминавший также о «доносе» попечителя: «<...> по поводу статей <...> о Славянах, коими, писал он, может быть возбуждена у России война с Оттоманскою Портою» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 8; *Бачинин А.Н.* Указ. соч. С. 357. От неприятных последствий это дело спас Уваров, обративший его в шутку). Ср. запись в дневнике А.И. Герцена (за 23 ноября 1842 года): «Строганов отзывается о Белинском с признанием его достоинств (вот насколько он выше славянобесых). <...> Бранил Францию и „Москвитянина“» (*Герцен А.И.* Указ. соч. С. 55; курсив мой), а также недоумевающие суждения П.А. Вяземского в передаче корреспондента Погодина А.Ф. Бычкова: «Мне кажется, что граф Строганов должен был бы покровительствовать людям благонамеренным и ученым, которые решились издавать журнал в Москве, а не придираться к ним...» (*Барсуков.* Кн. 6. С. 274).
- ²⁵ Именно такая сумма составляла годовой доход стороннего цензора; университетским цензорам причиталось жалованье в размере 2000 рублей в год (см.: *Ботова О.О.* Указ. соч. С. 135; см. там же таблицы 46, 5в; с. 302, 303). В то же время прибавка, получаемая ректором университета за исправление должности, составляла всего 600 рублей в год.
- ²⁶ Данные о социальном и должностном составе Московского цензурного комитета в 1827–1854 годах см.: *Ботова О.О.* Указ. соч. С. 307 и след.
- ²⁷ Как позволяют судить немногочисленные письма Флерова, сохранившиеся в семейном архиве Строгановых (РГАДА), он был искренне привязан к своим воспитанникам. См., например, его письмо старшему сыну Строганова — 14-летнему Александру, написанное во время московской отлучки Флерова: «<...> Будь уверен милой Саша, что и моя любовь к тебе не изменилась. Я бы полетел к вам, но забравшись так далеко, мне не хочется выехать отсюда не удовлетворив совершенно своему любопытству. Чужие края мне нравились, но Москва, прелестная Москва меня обворожила. Это наша Русская История в лицах. <...> По приезде моем все тебе расскажу, — а теперь заключу мое письмо тем, что для совершенного моего очарования не достает только тебя» (РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 4. № 1044. Л. 1–2; дата — 14 Сент-«б-ря» 1832); с неменьшей сердечностью спустя 15 лет Флеров поздравлял своего бывшего воспитанника с рождением сына (письмо от 27 Августа 1847 года: РГАДА. Ф. 1278 (Строгановы). Оп. 4. № 120). В архиве Флерова сохранились письма к нему младших детей графа Строганова — Николая, Павла, Елизаветы (в замужестве Мецкерской) и Софии (см.: ОР РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 21, 22, 24, 26).

- ²⁸ См.: Петров Ф.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 2. С. 158–159.
- ²⁹ См. запись в его формулярном списке: «На основании Высочайше утвержденного 25 Июня 1834 года положения о порядке производства в чины по гражданской службы <так!> \$57=й был испытываем в науках состоявшихся <так!> курс учения Философского Факультета 1 отделения и признан достойным ученой степени Кандидата, на что имеет от Императорского Московского Университета аттестат за № 879^М. Все сведения о служебных успехах Флерова приводятся по «Формулярному списку о службе и достоинстве стороннего цензора Московского цензурного комитета Василия Павловича Флерова» (ЦИАМ. Ф. 31 (Моск. комитет по делам печати МВД). Оп. 1. № 120. Л. 1 об.-2).
- ³⁰ Характерно, что в дневнике Погодина за 1840–1845 годы не удалось обнаружить упоминаний о Флере в связи с цензурой, зато часты записи такого типа: «В <...> тип<ографию>, и к Строг<анову> о цензуре», «о цензуре к Строг<анову>» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 33. Ед. хр. 1. Л. 54 [запись от 9 декабря 1843 года], 57 об. [запись от 15 января 1844 года]).
- ³¹ ОР РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 4, 14.
- ³² ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/ІІ). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 8.
- ³³ Там же. Л. 19.
- ³⁴ Там же. Л. 26–26 об.
- ³⁵ Там же. Л. 28.
- ³⁶ Объявление о раздаче 4-й книжки «Москвитянина» за текущий год (Московские ведомости. № 43. Суббота, 10-го апреля. С. 258).
- ³⁷ О сотрудничестве Грановского в «Москвитянине» и его журнальных отношениях с Погодиным см.: Т.Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II: Переписка Т.Н. Грановского. С. 466; Терещенко В.К. М.П. Погодин и споры западников и славянофилов в 1840-х годах // Проблемы истории СССР. М., 1976. [Сб.] V. С. 254, 256; Петров Ф.А. М.П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. С. 86, 152.
- ³⁸ ОРКиР НБ МГУ: корректурный экземпляр; шифр 1 Рс 294^М; инвентарный номер ж. 31732/60. С. 150–151 (в пагинации корректурных экземпляров журнала нередко нарушения и сбои, вследствие чего она зачастую не совпадает с пагинацией в изданной книжке).
- ³⁹ ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/І). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 10–11.
- ⁴⁰ Там же. Л. 12.
- ⁴¹ Ср.: Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4. С. 456.
- ⁴² ОРКиР НБ МГУ: корректурный экземпляр; шифр 1 Рс 294^М; инвентарный номер: ж. 31732/60. С. 142.
- ⁴³ Москвитянин. 1842. Ч. VI. № 11 [ценз. разр. 4 декабря 1842 года]. С. 1–12; подпись В. Луганский. Это сочинение Даля упоминается в одном из его писем Погодину (от 13 ноября 1842 года), где названо в числе имеющихся у редактора «Москвитянина» и пока не опубликованных: «У вас теперь не напечатанных моих: 1. Бараны, 2. Русалка <...> 8. О купце с купчихой <...>» (Переписка В.И. Даля и М.П. Погодина. С. 335).
- ⁴⁴ ОРКиР НБ МГУ; шифр 1 Рс 294^М, инвентарный номер: ж. 144–1–60.
- ⁴⁵ В итоговом тексте на страницах «Москвитянина» приведенный отрывок был исключен; эпитет «сатанинское» опущен — эти строки читаются: «Да это, — прости Господи, — семья» (с. 6, 9); «неудобное сравнение» с великим постом было также исключено — строка осталась неполной. Изменения, вызванные придирчивой цензурой Флерова, были сняты при последующих публикациях «Сказки» (см.: Сказка о Купце с Купчихой и выкраденном у них сыне // [Даль В.И.] Повести, сказки и рассказы казака Луганского. Ч. 4. СПб., 1846. С. 203, 204, 206, 210; Сочинения Владимира Даля. Новое полное собрание. СПб., 1861. Т. 6. С. 151–153, 156).
- ⁴⁶ Именно эти слова вызывали претензии Флерова, цензуравшего финальный сборник Боратынского, — ср.: «Поет, увы! он [благодаря] страстей...» («Последний Поэт», ст. 34), «[Благодарно] оживи...» («Бокал», ст. 30); «О, сын Фантазии! ты [благодарных] Фей...» («Толпе тревожный день приветен, но страшна...», ст. 11) (ПД. Ф. 33 (Боратынские). Оп. 1. № 43. Л. 5 об., 17, 22).
- ⁴⁷ Москвитянин. 1843. Ч. II. № 3. С. 3, подпись Я. Пол. Ценз. разр. 6 марта; вышел 11 марта 1843 года (см. объявление о раздаче журнала подписчикам: Московские ведомости. 1843. № 29. Вторник, 9-го марта. С. 172).
- ⁴⁸ См.: ОРКиР НБ МГУ: корректурный экземпляр; шифр 1 Рс 294^М; инвентарный номер ж. 31732/60. С. 3.
- ⁴⁹ Ср.: Москвитянин. 1843. Ч. II. № 4. С. 3.

- ⁵⁰ Ранняя редакция стихотворения, равно как и первоначальный журнальный вариант, приложенные к письмам Я.П. Полонского Н.М. Орлову, были опубликованы М.О. Гершензоном: Письма Я.П. Полонского к Н.М. Орлову // Новые Пропилеи / Под ред. М.О. Гершензона. М.; Пг., 1923. Т. 1. С. 42–43, 50. Строфа, вызвавшая при публикации претензии цензора, в первоначальной редакции читалась иначе: «И что ж? Высокие страдания / Горда и зла / На смех толпы, на порицанья / Ты предала» (Там же. С. 43).
- ⁵¹ См. его письмо, датированное 11 мая 1843 года: ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 16.
- ⁵² Письмо Флорова от 14 мая 1843 года: Там же. Л. 18.
- ⁵³ Там же. Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 24.
- ⁵⁴ См., например, замечания о Крылове в дневнике Погодина за самое начало 1837 года: Барсуков. Кн. 5. С. 16–17.
- ⁵⁵ Ср. черновик письма Крылову, относящегося к первому времени издания журнала: «<...> Журналист и Цензор должны береж друг друга взаимно. <...> цензую вашу совершенно пока доволен, и прошу у вас и впредь строгости, а не снисхождения. <...> У нас часто зависит все от минуты. Нельзя быть уверено и за святую статью. И потому чуть усомниться в целой статье какой, прошу сказать, и отдать мне на исправление, а я пошлю в Петербург как будто и не бывшую в Цензуре», в избежание всякого недоразумения. Касательно выражений отдельных — разумеется мы сойдемся полюбовно, если вы благонамеренно смотрите на мой Журнал, в чем я не хочу сомневаться» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/I). Карт. 46. Ед. хр. 12. Л. 9–9 об.).
- ⁵⁶ Там же. Карт. 33. Ед. хр. 1. Л. 20–23 об.
- ⁵⁷ Там же (Погодин/II). Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 3–3 об.
- ⁵⁸ Там же. Л. 10.
- ⁵⁹ Там же. Л. 8–9 об.
- ⁶⁰ В предполагаемых публикациях Погодин далеко не всегда был осторожен, желая поместить в журнале заведомо непроходные вещи — так, например, в «Отрывках из дорожного дневника» Погодин хотел упомянуть о своей встрече в Париже с Мицкевичем, что вызвало благоразумный протест цензора: «О Мицкевиче, почтеннейший Мих<аил> Петр<ович>, думаю, говорить Вам как православному Русскому профессору, не безопасно. Бог знает, что подумают. <...> А знаете ли, как Государь раздражен против него и Лелевеля??? Право, страшно... Подумайте. И какой злой демон влечет Вас в Париже к отвязанным Полякам? Экая простота». В другой своей записочке Крылов вновь напоминал Погодину: «Что ваш Мицкевич? Каков? Я всего искрестил. Ну ей-Богу, пропустить нельзя. Уж кто меня либеральнее из нашей ценсорской братии». (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 14, 21; ср.: Барсуков. Кн. 6. С. 25). О либеральной репутации Крылова — ср. замечание А.И. Герцена в дневнике 1842 года (запись от 6 ноября): «...цензор Крылов — профессор с либеральной репутацией» (Герцен А.И. Указ. соч. С. 49).
- ⁶¹ ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 19–19 об. (рукой Крылова на той же странице, где закончилось письмо Погодина, на которое он отвечает).
- ⁶² Там же. Л. 25.
- ⁶³ Там же. Л. 24; курсив мой.
- ⁶⁴ Основные сведения о Снегиреве см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 423–427; Русский биографический словарь / Под ред. А.А. Половцова. СПб., 1909. Т. [19]: Смеловский — Суворина. С. 7–11; Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г. Указ. соч. С. 429; важнейшая библиография: Мезьер А.В. Указ. соч. С. 103–104; Бойкова О.Ф. Иван Михайлович Снегирев: Биобиблиографический указатель. М., 1994; Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. По указателю.
- ⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 7.
- ⁶⁶ Погодин и Снегирев, во многом связанные профессиональными интересами, вполне доброжелательствовали друг другу (сколь позволяют судить дневники и переписка), однако их отношения в свое время были омрачены неприятным для Снегирева и невыгодным для Погодина эпизодом: в 1831 году Погодин опубликовал в «Московском вестнике» статью А.М. Кубарева (Письмо к Редактору Московского Вестника заключающее в себе разбор Латинской речи произнесенной Профессором Снегиревым на Университетском Юбилее // Московский вестник. 1830. Ч. 6. № XXI–XXIV [ценз. разр. 6 февраля 1831 года]. С. 163–166),

- в которой указывалось на грубые ошибки Снегирева в преподаваемом им латинском языке, что способствовало его профессиональной дискредитации и в конечном итоге привело к вынужденной отставке. См. об этом: *Барсуков*. СПб., 1890. Кн. 3. С. 163–166; *Петров* Ф.А. Указ. соч. Т. 4. Ч. 1. С. 144–146.
- 67 ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 17. Ед. хр. 46. Л. 1–1 об.
- 68 РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 12. Л. 2–3 об.
- 69 См. его письмо Погодину от 28 июня 1842 года: ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 34. Ед. хр. 74. Л. 6 об., 7.
- 70 ОР РГБ. Ф. 385 (Флеровы). Карт. 1. Ед. хр. 12. Л. 8.
- 71 Ср. письмо Крылова Погодину, написанное накануне свадьбы: «Любезнейшие мои приятели Михайло Петрович и Лизавета Васильевна! <...> Свадьба завтра (т.е. в понедельник, в Духов День). В 7-м часу вечера двинется жених в Церковь, и придет по назначению туда в 7-мь часов, а невеста в 7 ½ часов. Как сидите, мне бы хотелось вас обоих видеть у себя в доме при благословении; т.е. в 7-м часу. А то как-то делается больно и тяжело на душе, когда я выеду один цыганом. <...> Душевно вам преданный и ожидающий вас к себе на дом, жених Н. Крылов» (ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/II). Карт. 17. Ед. хр. 45. Л. 26–26 об.).
- 72 Если принять во внимание значимость матримониальной темы в истории со сменой цензоров «Москвитянина», то остается только пожалеть, что Погодин в первое время своего знакомства с Крыловым не осуществил намерения, зафиксированного в дневнике 1837 года: «В бане с Крыловым. Толковали об Университете; а будет он славный юрист. *Не женить ли на Аксаковой*» (запись от 13 сентября 1837 года: *Барсуков*. Кн. 5. С. 17; оригинал: ОР РГБ. Ф. 231 (Погодин/I). Карт. 32. Ед. хр. 1. Л. 113; курсив мой).
- 73 *Барсуков*. Кн. 8. С. 374.
- 74 При своих несомненных талантах Крылов имел скверную репутацию в университетском кругу: «<...> Крылов служил ясным доказательством тому, как мало значат, как бесплодны умственные способности без основы нравственной. Это был человек чистый от всяких убеждений, нравственных и научных <...>. <...> Так, сделавшись деканом, пользуясь огромным авторитетом, Крылов начал брать взятки, о чем понесся слух по Москве <...>» (Записки Сергея Михайловича Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., [1915]. С. 97–98); «Крылов известен был (и справедливо) за умного профессора, но, как о человеке, о нем ходят слухи не совсем лестные; говорили о его суровой строгости и даже взяточничестве с богатых студентов; он был деканом и всем заправлял на факультете по-своему» (*Афанасьев А.Н.* Московский университет (1844–1848) // Московский университет в воспоминаниях современников (1755–1917). М., 1989. С. 263–264); «Крылов был человек необыкновенно умный и даровитый, но полнейший невежда и лишенный всякого нравственного смысла. <...> Несмотря на <...> блистательные дарования, уважением он не пользовался и имел даже репутацию взяточника. <...> К другим его некрасивым свойствам присоединялось еще то, что он пил запоем» (Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II: Воспоминания Б.Н. Чичерина / Сост., общ. ред. и предисл. С.Л. Чернова. М., 1991. С. 48). Ср. также отзыв А.С. Хомякова в письме А.Н. Попову об отставке Кавелина, Редкина и Корша: «*Jus Romani*» <т.е. Крылов> одержал, как кажется, полную победу, и я этому бы очень радвался, если бы ученый не был такой ужасный взяточник» (Из писем А.С. Хомякова к А.Н. Попову // Русский архив. 1884. Кн. 2. № 4. С. 304).
- 75 *Петров* Ф.А. К.Д. Кавелин в Московском университете. М., 1997. С. 107.
- 76 Подробнее о «крыловской истории» см.: *Барсуков*. Кн. 8. С. 373–380; Письма В.Г. Белинского и В.П. Боткина к А.А. Краевскому // Отчет Имп. публ. библиотеки за 1889. СПб., 1893. Приложения. С. 86–88, 91–92 (3-й пагинации); *Корсаков* Д.А. Константин Дмитриевич Кавелин: Материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний // Вестник Европы. 1886. Кн. 7 (Июль). С. 29; Из писем А.С. Хомякова к А.Н. Попову. С. 304; Т.Н. Грановский и его переписка. Т. I: Биограф. очерк А. Станкевича / 2-е изд. М., 1897. С. 155–158, Т. II: Переписка Т.Н. Грановского. С. 422–423, 424–425; Записки Сергея Михайловича Соловьева. С. 97–103; *Афанасьев А.Н.* Указ. соч. С. 264–265; Русское общество 40–50-х годов XIX в. Ч. II. С. 47–49; *Петров* Ф.А. Указ. соч. С. 105–109.

Пермяковский сборник

Часть 2